

М. П. Жигалова

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина
(Брест, Беларусь)*

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БРЕСТСКО- ПОДЛЯШСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Сегодня, в условиях глобализирующегося мира, усиление исследовательского интереса к феномену культурного Пограничья вполне понятно и неизбежно.

Появление все новых транскультурных образований актуализирует для науки поиск выработанных и апробированных в ходе исторического развития образцов и сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов. Ведь только глубокое изучение особенностей Пограничья, его экономического, политического, конфессионального, культурного состояния создает условия толерантности, спокойствия и мира в регионе, приводит к разрядке возникающих социальных стрессов и напряженностей. А в этом заключается уже не только научно-фундаментальный, но и «важнейший прикладной аспект исследований» (Абрамчук 2008: 4) данного феномена.

К числу пограничных и транскультурных образований, безусловно, может быть отнесена и традиция Брестско–Подляшского Пограничья.

Именно здесь, на пограничье Востока и Запада, православно-византийского и католическо-романского мировоззрений, во многом решались судьбы всей современной Европы. В этом смысле Брестско–Подляшское польско–украинско-белорусское Пограничье в силу его одновременно потенциально конфликтного и реально полилогичного характера тоже вполне можно назвать «пограничьем шанса и опасности» (Бабкоў 2005: 123).

Культура этого региона характеризуется спецификой того исторического пути, который прошёл народ, проживающий здесь. Традиции и менталитеты разных народов отложились в социальной памяти мультикультурного пространства Пограничья – в языке, который является средством взаимодействия поколений, культур и цивилизаций, и в традиционных установках поликультуры. Достаточно сказать, что «на территории Брестско–Подляшского Пограничья проживают люди разного

этнического статуса. Так, только в Брестском районе (площадь 1617 км. квадратных), расположенном на юго-западе Брестской области, где длина границы с Польшей составляет 140 км., с Украиной – 37 км., проживает 45, 6 тыс. жителей, разных по своему этническому статусу: белорусы составляют 36,3 тыс. (79,6%), россияне – 4,0 тыс. (8,8 %), украинцы – 4,1 тыс.(9%), поляки – 0,5 тыс. (1%), другие национальности – 700 чел (2,2%). В свою очередь, во Влодаве (Польша) – центре гмины в Люблинском воеводстве, расположенном на Буге, на польско-белорусской границе, – население составляет около 15 тыс. жителей. Это место, где испокон веков жили в согласии поляки, украинцы, белорусы и евреи, которые до второй мировой войны составляли 60% населения Влодавы. Визиткой города является Международное Полесское Лето с фольклором. Начиная с 1991 года, Влодава является одним из 200 городов мира, которые организуют такие фестивали фольклора» (Абрамчук 2008).

Сегодня во Влодаве по традиции проводится фестиваль трёх культур: еврейской, польской, русской, связанных с тремя религиями: иудаизмом, католицизмом и православием. Циклически здесь, во Влодаве, в сентябре проводится трёхдневное мероприятие. Здесь показывают мультикультурное наследие Влодавы: в пятницу – день еврейской культуры, суббота – православное наследие; воскресенье – католическая культура. В костёлах и других сакральных объектах происходят концерты, спектакли, выставки, семинары.

В 2011 году XVI Международный фестиваль восточнославянских коляд проводился в польском городе Тересполе (Польша), в котором приняли участие около 30 коллективов из Польши, Беларуси, Украины, в том числе, хор из посёлка Рудинки Пружанского района, который официально действует при местном Доме культуры и поёт в Свято-Покровской церкви, хор Брестского Свято-Николаевского гарнизонного собора и академический хор “Согласие” из Бреста и др. Песни звучали на польском, украинском, белорусском языках. Голоса детей, их родителей, бабушек и дедушек из православных приходов Тересполя, Кастомлотов, Кобылян, Коденя Бельского повета, из Люблина и Белостока, действительно, свидетельствуют о том, что православная культура была есть и будет в соседней католической Польше. О том, что в Польше не имеют никаких проблем с вероопределением своих граждан говорили и староста бельский Тажеуш Лазовский, и бурмистр Тересполя Яцек Данилюк, католики-спонсоры, которые

рядом с дипломатами трёх государств (консул Беларуси в Бялой Подляске, консул Украины в Люблине Олег Горбенко и консул Польши в Бресте Анна Доменко-Лучек) утверждали, казалось, извечную истину дружбы народов Пограничья, их историческое и культурное единство. Вот что пишет Ю. Рубашевский в своей статье «Калядкі па-цярэспальскі»: “Звяртаючыся да прысутных, архіепіскап Люблінскі і Хелмскі Абель сказаў: “Я шчыра вітаю і благаслаўляю калектывы, якія да нас прыехалі з бліжэйшага за межжа, з Беларусі і Украіны. Гэтымі спевамі, гэтымі калядкамі мы зноў сведчым, што ў нас, у Польшчы, існуе і спявае праваслаўе” (Рубашевский 2011: 7).

Сформировавшись как принципиально пограничная культура белорусско-польского региона, она может характеризоваться ещё и тем обстоятельством, что, в отличие от «классических» цивилизаций, стратегическая роль в ней принадлежит не культурному синтезу, а культурному симбиозу (сожительству) и витальности разных культур, которые являются ее основными культуурообразующими механизмами. «Симбиотические же взаимосвязи различных интегрирующих элементов, образующих основу социокультурного пограничного образования, обеспечивают, в свою очередь, его неустойчивую стабильность» (Суслова 2004: 181).

Поэтому существование индивида «на культурном пограничье» означает не просто более-менее безболезненную и уверенную миграцию из своей культуры в соседние и обратно, но пребывание в специфических «культурных сумерках», где «свое – отчуждено, а чужое – все-таки свое», или, иными словами, «существование между Отчизной и Чужбиной, которые на самом деле оказываются двумя ликами одного» (Беларусіка–Albaruthenica 1994: 112].

В связи с этим в полицентрическом пространстве культурного многообразия процесс индивидуальной самоидентификации для носителей пограничной культуры представляет собой некоторое балансирование «между». Именно на Брестско-Подляшском Пограничье владение и попеременное использование нескольких различных языков (а здесь используются преимущественно русский в городах, и «трасянка» – (то есть, русско-белорусско-польско-украинский диалект – в деревнях), каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, является нормой. Правда, заметим, что молодёжь часто использует в коммуникативном полилоге со сверстника-

ми – иностранными студентами – в частности, и английский, и немецкий, и французский языки. Это и есть мультилингвизм и мультикультурализм в действии, что является неотъемлемым требованием современного глобализирующегося мира.

Однако, мультилингвизм – это не только способность говорить на нескольких языках, это ещё и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности нескольких народов, цивилизаций, мышление, открытое к взаимопониманию, а также и к осмыслению культур разных собеседников. Из этого следует, что мультилингвизм является одним из главных средств налаживания межкультурного диалога, достижения толерантности и взаимопонимания, помогающие преодолению противоречий и конфликтов, которые время от времени возникают в многонациональном мировом пространстве.

И здесь следует учитывать тот факт, что существует мультикультурализм естественный и искусственный. В Брестско-Подляшском Пограничье он естественный, так как все языки используются в языковой среде. Важно отметить и то, что при таком мультикультурализме коммуникативный аспект культурно значимого текста не нуждается в переводе, а автоматически перерастает в межкультурное взаимодействие, в диалог, а в некоторых случаях и в полилог. Поэтому мультикультурализм Брестско-Подляшского Пограничья возрождает и укрепляет различные языки и культуры, сохраняя при этом языковое многообразие, и вместе с тем способствует эффективной межкультурной и межэтнической коммуникации. Однако следует подчеркнуть, что всякая пограничная культура, даже будучи вынужденно обречённой на перманентные культурные контакты и взаимосвязи, демонстрирует не только способность к продуктивному сотрудничеству и взаимообогащению, но и в какой-то мере «консервирует» свой архетипический код, весьма пока неопределённый, и, может быть, даже ещё неназванный для его носителей в силу отсутствия их полноценного полилога со своими культурами-соседями.

В рамках обозначенного подхода проблематичность исследования и квалификации исторических процессов и феномена белорусско-польского Пограничья должны определяться, прежде всего, фактом очевидной «неоднозначности белорусскости», которая «среди многих других факторов предопределялась повышенной мобильностью (изменчивостью) белорусско-польских отношений, а также этнографично-этнической и вероисповедальной непроясненностью при определении белорусами

собственной национальной самоотжественности» (Бабкоў 2005: 228–229).

Таким образом, история и логика белорусско-польско-украинских взаимоотношений Пограничья может быть представлена как последовательность и совокупность ряда «культурных опытов», среди которых основными явились опыты государственного (с XVI в.), конфессионального (с XVII в.) и собственно культурного – в первую очередь, художественно-литературного (XIX–XX вв.), симбиозов.

Нас больше интересует третий аспект проблемы – собственно культурный. Опустив иные жанры и виды литературного взаимопроникновения культур, отметим следующее. На наш взгляд, наиболее ярко симбиотический характер культурных реляций белорусско-польско-украинского Пограничья проявился в феномене русскоязычной литературы. Говорить об отражении мультикультурности в русскоязычной литературе белорусско-польско-украинского Пограничья, написанной этническими поляками, русскими, украинцами, белорусами, можно в двух аспектах. В широком, подразумевая связь этой литературной традиции с традициями мировой литературы и самой реальностью её функционирования в белорусско-польском регионе, и узком, предполагающем его внутреннюю, жанрово-тематическую и стилевую специфику. В опыте отражения разных культур в русскоязычной литературе белорусско-польско-украинского Пограничья очевидно и то, что здесь осуществляется и дополняется формирование как белорусского и польского культурного кодов, так и культурного кода подляшского «я», включающего элементы других культур (русской, украинской, литовской и др.), функционирующих на данной территории. Это происходит в силу, по меньшей мере, двух причин.

Во-первых, русскоязычная литература Пограничья, находясь в пространстве исторически сформировавшегося менталитета, особенности исторического развития которого были обозначены выше, по сути, реконструирует как белорусскую, так и украинскую, польскую культуры, и даже создаёт национальную идеологию Пограничья, свой специфический мультикультурный код, своеобразный многонациональный миф, «апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического свойства (Суслова 2004: 8). В творческом багаже практически каждого поэта и писателя Пограничья имеются, с одной стороны, сакрализованные исторические сюжеты, как ритуально проин-

терпретированные социально-этнические кризисы белорусской социокультурной традиции, а, с другой стороны, широко представлены разные культуры и их взаимодействие.

Во-вторых, художники слова, представители литературного украинско-белорусско-польского Пограничья, испытывали всегда явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны – как можно белорусу, например, себя благополучно идентифицировать, имея в историческом багаже одновременно столько культурных имен: «кривичи», «литовцы-литвины», «русины», «белорусы»? При этом, начиная с XVII века, в белорусской культуре оформилась определенная дихотомия: высший слой, пользуясь польским языком, развивал свою культурную традицию с акцентом на метропольную культуру и восприятие через нее общеевропейских духовных ценностей. В результате возникал специфический симбиоз парадигмы польской культуры (как внешнего оформления) и белорусской ментальности (как внутреннего содержания). Одновременно с этим существовала и существует по сегодняшний день, например, на Брестчине, автохтонная сельская (народная) культура, которая вбирала в себя элементы многих соседних культур.

Поэтому поиски национальной самотождественности авторами польско-белорусско-украинского Пограничья происходили как на базе своей этнической культуры, так и других культур, которые тоже уже были понятны и близки им. Достаточно вспомнить, что национальное самосознание А. Мицкевича, например, по мнению исследователей, было одновременно и выразительно польским по своему идейно-политическому звучанию и ориентации в творчестве на польский язык, и, безусловно, белорусским по своей эмоционально-психологической ментальности, сформировавшейся белорусским бытовым, языковым, фольклором, песенным мелосом поэта (Беларусіка–Albaruthenica 1994: 335). Сегодня уже очевидно и то, что творчество А. Мицкевича впитало элементы других европейских культур, которые стали ему родными, и отразило мультикультурное пространство Европы и мира.

Поэтому, исследуя феномен русскоязычной литературы белорусско-польского Пограничья, можно отметить сосуществование и взаимодействие в его рамках нескольких языковых систем,

ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию мультикультурности.

А значит, литературу белорусско-польско-украинского Пограничья по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она демонстрирует читателю особенности поликультурного взаимодействия. Именно таким образом на белорусско-польско-украинском культурном Пограничье сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры и этносы, развивая как белорусские историко-литературные традиции в целом, так и белорусско-польские отношения в частности. А обозначенные выше характеристики – симбиотичность, проблематичность национальной самоидентификации, консервативность духовных и социальных практик – вовсе не умаляет достоинств ни белорусской, ни украинской, ни польской культур и их значения для настоящих и будущих социальных процессов общеевропейского масштаба.

В самом деле, если вектор наших исследований обратить на идею единения всех людей, которая в глобализирующемся мире становится самой актуальной, то выясняется, что сегодня, при все нарастающем космополитизме культур – противоречивом, но неизбежном – опыт коммуникации белорусско-польского Пограничья может оказаться востребованным и поучительным. То, что в эпоху локально-национальных культур квалифицируется как определенный недостаток и ущербность, в современных условиях замены этноцентризма на антропоцентризм, в условиях стирания этнокультурных границ в мультикультурном пространстве, неожиданно проявляет свои позитивные и креативные стороны. Возможно, мультикультурная модель белорусско-польско-украинского региона как модель пограничного культурного и креативно коммуникационного сосуществования, окажется одной из продуктивных и значимых в глобализирующемся мире.

Современные белорусские русскоязычные художники слова говорят о культуре России, Беларуси, Польши, Германии, Эстонии. Русскоязычные поэты Брестчины органично вписываются в ее контекст, отражая широкий спектр тематики и проблематики: «прошлое и будущее», «связь времен», «единство природы и внутреннего мира человека», «смысл жизни», «духовный мир человека и чистота человеческого бытия», «единство славянства» – темы, проходящие сегодня сквозь всю разноголосую ткань поэтической современности. Они отразились и в творчестве русскоязычных поэтов Пограничья.

Обратимся к творчеству лишь двух авторов – Л. Красевской и Д. Ковалёва.

«Вся жизнь моя – хождение за границы...». Такие строки можно предпослать последнему сборнику поэтессы-брестчанки Любви Красевской «*На два голоса*» (Брест, 2009) (см.: Жигалова 2010: 33–40; 3–6; 8–16).

Первая часть «*Две Родины*» открывается одноименным стихотворением, которое является исповедью человека, волею судьбы оказавшегося вдали от своей этнической Родины. Ностальгические чувства приобретают в стихотворении дискурс философских рассуждений, размышлений о вечности прекрасного чувства патриотизма, верности родным пенатам, счастье свободы.

*Вспоминаю тебя... Кто тоскою по Родине лечится?
Ну, за что мне такая, такая зачем маета?
Я ответа прошу. Ностальгия – плохая советчица
Тем, кто в жизни меняет своих обитаний места.*

Поэтесса уверена, что именно на родине черпает человек истоки сил душевных. И где бы он впоследствии не жил, всё равно душа его остаётся здесь, в родных пенатах.

Название символично и тесно связано с судьбой поэтессы, её пониманием мультикультурности. Родилась Л. Красевская в Красноярском крае, русская по сути и духу. Но, судя по фамилии, её корни где-то здесь, в земле «Речи Посполитой». Осев в Бресте, поэтесса состоялась здесь как поэт и гражданин, но нет-нет да и обожжёт своё сердце воспоминаниями о далёкой Сибири, родине её плоти и духа. Не случайно в сборник вошло и стихотворение «*По-русски*»:

*Я родилась на том материке,
Куда упал метеорит Тунгусский.
Я говорю на польском языке,
А думаю... а думаю – по-русски.*

*Судить не стоит по одной строке –
Я в ней не вся, а только мыслей сгустки.
Пою на белорусском языке,
А думаю... а думаю – по-русски.*

*Груз бытия... а к Богу – налегке
На круг общенья избранный и узкий.
Молилась на церковном языке,
А думала... а думала – по-русски..*

Стихотворение начинается с описания её «малой родины» – маленького уголка земли на материке (обширного пространства суши, омываемого морями и океанами), «куда упал метеорит Тунгусский» (космическое тело, упавшее на Землю в бассейне реки Подкаменная Тунгуска в 1908 году). В этом высказывании читатель сразу обращает внимание на прописную букву в прилагательном Тунгусский. Вероятно, поэтесса сделала так потому, что это слово заключает в себе обобщённый образ-символ России, Родины, Отчизны. Да и в синтаксическом отношении начало стихотворения представляет собой сложноподчинённое предложение, так как у автора и её лирической героини возникает необходимость выразить сложную связь прошлого и настоящего, единения «малой родины» (Красноярский край) и приобретённой, второй родины – Беларуси. Поэтому не случайно свой сборник поэтесса назвала «На два голоса».

Сильными позициями стихотворения «По-русски» является заголовок, первая и последняя фразы, указывающие на важность поэтического образа Руси. Ключевые слова «Сибирь» – «Польша» – «Беларусь» – «Бытие» – «Бог» – «Язык» позволяют с помощью подтекстовой информации (два голоса) определить доминанту, являющуюся темой стихотворения и указывающую на идею: петь на два голоса, по-русски и белоруски, по-польски и по-русски непросто, но такое пение лишь обогащает певца, завораживает слушателя...

Поэтесса ещё раз подчёркивает, что коммуникация в мультикультурном пространстве несколько отличается от общения в этнической однородной среде. И это понятно, ведь здесь нужно говорить так, чтобы тебя понимали, прислушиваться к языку окружающей среды и вживаться в инациональную культуру. На этом языке могут быть созданы и произведения, но всё же «мыслей стужки», идеи всегда рождаются на родном языке. И потому на каком бы языке ни говорила лирическая героиня, всё равно она думает «по-русски». Поэтому так чётко обозначена поэтессой основная мысль стихотворения – неразрывная связь внутреннего мира героини с малой родиной и родиной приобретённой.

Ретроспективный план стихотворения помогает понять вечность и неизменность проблемы не выбора, а единения. Своеобразна и фоника стихотворения. Обилие звонких согласных «р, м, н, з, б, з, в» ассоциируется с незабываемой, могучей, гордой, свободной сибирской землёй, с раскатами грома, с эхом в горах,

с бунтующими реками, о которых тоскует душа, хотя сердце уже давно принадлежит Беларуси.

Ассонанс (повторы гласных: *я, а, у, е, о, ю, и*) создают картину единения земель, единения славянских народов, общности языка, истории и культуры славян.

В ритме стихотворения наблюдается сбой, доказательство этому – постановка многоточия, подчёркивающего грусть по этнической родине и вечные мечты о ней. Постановка тире указывает ещё на одно важное качество лирической героини: почитание ею Матери-Земли и преклонение перед образом Земли белорусской и российской.

В произведении много знаменательных частей речи (существительных, глаголов, местоимений, прилагательных, наречий), что позволяет предположить, что автор рисует вполне реальную картину мира. Все глаголы, кроме глагола «судить», – личные, что указывает на доверительный исповедальный характер. Лирическая героиня вступает в диалог с окружающими и надеется на понимание. В то же время она обращается и к собственной душе, к своему «я», чтобы убедиться в правильности принятого решения.

В третьей строфе настроение меняется. Антитеза (груз бытия – к Богу налегке...) способствует логическому усилению мысли, предельно чётко обозначая связь явлений. Жизненная суета, активность в постижении мультикультурного Мироздания и спокойствие перед уходом в небытие. Такая концепция важна для поэтессы, ибо её творчество не исчерпывается только одним родным языком и культурой, «мыслей сгустки» строятся на знании разных культур, на постижении сиюминутного и вечного внутри нас. Это позволяет всегда говорить о самом сокровенном безмолвно, ненавязчиво, душевно и доверительно, петь о родине и народе, истории и традициях славян на «два голоса», понимая и принимая при этом разные культуры и наречия.

Так сложилось, что Любовь Красевская всегда оставалась в гуще культурной жизни России, Беларуси, а позже и Европы:

*Разлетелась душа на части:
На границы
И города,
На страницы,
На поезда...*

Это давало ей возможность постигать философию жизни россиян, белорусов и европейцев, формировать представление

о счастье и смысле жизни, о вечной и верной любви, о чести и достоинстве, петь о родине и её народе, истории и традициях:

*Пересмотрела прошлого страницы.
Ту книгу больше не хочу листать.
Вся жизнь моя – хождение за границы,
Вот почему так хочется летать.*

Стихи поэтессы в этом сборнике объединены одной концепцией: «На то она и судьба, чтобы понимать на всяком наречьи» (И. Бродский). Не удивительно, что Л. Красевская с любовью и нежностью говорит о Беларуси, Польше, Германии. В стихотворении “Белая Русь” лирическая героиня восхищается белой, чистой, святой землёй Белой Руси и поёт о ней тепло, спокойно, задушевно. Её вторая родина воспринимается поэтессой как что-то неземное, райское:

*Я в юности думала:
Петь надо громко, раздольно,
Вот только опыта, знаний и сил наберусь...
Но годы прошли.
Громко петь уже больно –
Пою о тебе задушевно, моя Беларусь.*

*К тебе, моя спокойная красавица,
Спешу вернуться отовсюду я.
Здесь лебеди зимой в реке купаются,
Пьют летом воду зубры из ручья.*

*Непостижимы тайны заповедные,
Необъяснима пуца чужакам.
– Смотри, смотри! – по небу знаки бледные...
Я здесь учусь читать по облакам.*

*Когда тебя своей коснулась драмою,
(За всё платила дорогой ценой) –
Ты обняла не мачехою – мамою.
Укрыла в холод, защитила в зной...*

*И на руках меня через ухабины,
Через болота, синие леса
Перенесла – прадедовы-прабабины
Услышать – через время – голоса.*

Пусть птица перелётная не плачется –
Такая, видно, выпала судьба:
В родных местах на время обозначиться.
Там пахла хлебом тёплая изба.

И песнями, и детским смехом полнилась,
И наливались соком карані
Но затерялась и не мне запомнилась
Простая радость светлая... Они

Когда-то здесь на этих землях ладили
Житьё-бытьё с мечтою пополам.
Ещё не все следы ветра загладили.
Не всё ушло. Сгорело – не до тла.

Ну, как отныне проживу на свете я
Без – Богом предначертанных – азоз?
Зов предков позапрошлого столетия
Услышан.
Я пришла на этот зов.

(Красевская 2009)

Несмотря на то, что Беларусь стала второй родиной поэтессы (“...пою о тебе задушевно, моя Беларусь!) и с ней связывает она свою надежду на будущее, всё же второй Родине отдано только сердце, а душа осталась в Сибири. В стихотворении “В Хакасской степи...” Л. Красевская пишет:

О, Белая Русь! Я теперь в твоих нервах и жилах,
И мне лицемерить некстати и не по годам.
Я сердце своё, пока бьётся, пока не остыло,
Тебе, с покаянной любовью, всецело отдам...
.....
А душу, в Сибири которую чуть не сгубила,
Я всё-же оставила, всё же оставила там.

В стихотворении “Посмотри мне в глаза...” Л. Красевская справедливо замечает, что /“...если есть у тебя две Родины – /То покоя нет ни в одной”.

Гордо звучат откровения поэтессы о том, что родина и любовь – это и есть две половинки, составляющие человеческое счастье. Она убеждена, что ни время, ни расстояние не властны над этим чувством. Неудивительно, что основу творчества поэтессы составляет восприятие мира в философских категориях: что есть

Родина, Любовь, Женщина; что есть сиюминутность и вечность Мироздания, Бытия.

Поэтесса говорит о культуре России, Беларуси, Польши, Германии, Эстонии, используя соответствующие языковые элементы. Так в стихотворении «Влодавское направление» перед читателем предстаёт белорусско-польское Пограничье, полиэтнический народ, его населяющий, слышен специфический язык с многоликим диалектом, такой близкий белорусам и полякам, представлена специфическая культура, в которой давно переплелись обычаи и нравы, традиции белорусского, польского, украинского и русского народов. Поэтесса подмечает, что несмотря на разницу культур, это мультикультурное пространство всё же сумело сохранить главное – единство душ, которое не ведаёт границ... К такому выводу приходит и читатель, знакомясь со стихотворением поэтессы:

*И я теперь легко и беззаботно
Судить не смею о земном пути –
Там жизнь сама укладывает плотно
И век, и день, чтоб их переплести.*

*Переплавлялись разговоры народа
Веками – в уникальные слова.
А через Буг – ни мостика, ни брода...
Страна другая – общая молва.*

*Всё те же «piaski», «laski» i «karaski»
Всё тот же ветер на две стороны
Осенние разбрасывая краски,
Предзимние окрашивает сны...*

*Вновь через реку видится мосточек,
Когда ещё не ведали границ...
По-над водою кружится листочек –
Одна из непрочитанных страниц.
Великой книги о великом прошлом.
Неясный зов мне душу бередит.
Нет очевидцев.
Кто будет допрошен?
Открытия какие впереди?*

Есть в её книге произведения, в которых мультикультурный пласт невелик и находится в подтексте. Но есть и такие, как на-

пример, стихотворение «*Alles gut!*» (в пер. с нем. «*Всё хорошо*»), которые почти целиком построены на культурологическом материале и иноязычных элементах.

Alles Gute, danke, heute, braun –
Притесняю свой язык родной.
Скажите, bitte, deutsche Frau,
Только, если можно, не со мной.
.....
Голубыми водами *Donau*
Алую студила в жилах кровь.
Deutscher Mann und auch deutsche Frau,
Я дарю вам память про любовь.

Интерязык и интер-культура создаёт в стихотворении особую атмосферу – радости и полёта души. Ведь известно, что языковых границ не существует для того, кто хочет быть понятым сам и стремится услышать и понять другого, ибо все души говорят на одном языке. И здесь читатель испытывает ощущение единения всех народов, потому что, несмотря на разные наречья, единым для всех народов остаётся язык души.

В мире Мефистофель есть и Фауст
И не Гёте в этом виноват.
Пусть хранит Господь Вас, deutsche Frau,
И виват, Германия, виват!

Поэтесса уверена, что все люди мира, женщины всех наций и народов – немки, польки, белоруски, русские – просто хотят быть счастливыми:

*Две страны сошлись на *Kippelnau* –*
Интересы женщин всех времён.
Швабские арийки, deutsche Frau
И славянский женский наш бомонд.

Художественное произведение у Л. Красевской является тем межкультурным медиатором, который помогает читателю формировать картину мира. Чужая, в данном случае, немецкая речь, присутствует здесь не как фон, а как элемент немецкой культуры, с которой поэтесса была знакома.

Обращается Л. Красевская и к тайне женского обаяния как к символу счастья и надежды, веры в великое предназначенье человека на земле. В стихотворении «*Женщина*» Л. Красевская сравнивает женщину и с благоухающим цветком, и с объектом восхищения для поэта, и с истоком любви, без которой померкнет жизнь.

Бог создал Еву из ребра
 (На то, конечно, есть причины).
 Рождением жизни и добра
 В руках надёжного мужчины.
 Благоухающий цветок.
 Поэту – трепет вдохновенья.
 Возвышенной любви исток
 В веках. От мирсотворенья.

Талантливому поэту Дмитрию Михайловичу Ковалеву (1915–1977) органически присуще глубокое чувство Родины, общности славянских судеб, братства и дружбы народов. Об этом его стихотворение «Родился я и вырос на границе» (Ковалев 1982: 9).

Родился я и вырос на границе
 России,
 Украины,
 Беларуси.
 И у меня –
 Друзья,
 Сябры
 И дружи,
 Свет васильков, калин, берёз
 В кринице.
 И общие у стада пастухи.
 И триязычные поэтов рубрики.
 И будят на работу три республики
 Единого колхоза петухи.
 Три ратных брата:
 Гомель,
 Брянск,
 Чернигов,
 Лес партизанский –
 И конца не видно.
 И матери родная,
 И нэнько ридна,
 И мать родная –
 Сколько лиц и ликов!
 Славутич Днепр с его живой водою.
 Огульный шлях –
 Большак через плотину.
 Ярило старину блюдёт едину.
 И новь одна под красною звездою.

*Через своё любой народ понятен,
Как свет берёз, калин
И верб в кринице.
Я счастлив, что такими все границы
Увидит солнце дружества без пятен.*

Стихотворение воспринимается как прекрасное гражданское послание современникам-славянам, чьи судьбы так давно и прочно переплела история. Оно воспринимается и как предостережение от разрушения этого прочного единства душ и судеб.

Первая фраза уже свидетельствует об автобиографичности сказанного, доверительности авторского монолога, который будет произнесён.

Лирическому герою одинаково дорого всё, что связано с его малой этнической родиной, в которой прекрасно уживаются несколько культур. Такое мультикультурное пространство даёт возможность человеку любой культуры почувствовать здесь себя родным, так как люди тут дружны и живут в мире и согласии. Везде «сябры», «друзи», «друзья». Чувство сопричастности к родному краю, ответственности за его историю испытывает одинаково, как белорус, так и русский, и украинец. Родной Полесский край для всех согрет любовью матери-родины, неважно, что произносится она по-разному: «мать», «нэнька», «маці». Для усиления связи неразрывности человеческих судеб, которые сложились в ходе истории, автор использует триязычие: русский, украинский, белорусский, подчёркивая их славянское единство. Активно используются и топонимы (Гомель, Брянск, Чернигов), указывая на то, что здесь есть возможность каждому проявить свой талант. Лирический герой не скрывает своего чувства сопричастности к общей культуре Пограничья. Он счастлив, что «...такими все границы / Увидит солнце дружества без пятен».

Д. Ковалёв уверен, что каждый человек должен всегда помнить свои родные корни. В стихотворении «Родословная» он писал:

*Мать русская, отец мой белорус, –
Я вновь,
Как в Киевской Руси, един,
Как та вода, что пьём,
Хлеб, что едим...*

И далее:

*Мать русская, отец мой белорус –
Я не Иван, не помнящий родства!
Гордились родословными князья,*

*Бояре и дворяне: из корней!...
 Наш род и благородней и древней.
 И в нём державный труд Руси всяя!
 Купель моя! Зарницы Кобзаря,
 Бунт Аввакума
 И Купалы клич...*

Род...Родители...Родня...Родословная...Что общего в этих словах? Род – начало начал. Лирический герой стихотворения уже в самом начале хочет подчеркнуть, что своим рождением он обязан двум государствам и двум культурам, двум родам – белорусскому и русскому. Сильные позиции стихотворения подсказывают тему: мои корни, истоки моего рода. И идею – как важно каждому из нас уметь сохранить достоинство и честь своего рода. Личные местоимения («я», «мой» и т.д.) указывают на доверительность и исповедальность сказанного. Лирический герой гордится своими предками и их достижениями. Кольцевая композиция стихотворения лишь подчёркивает мысль о семейном круге, о семейной культуре, связанной с просвещением потомков, с семейными традициями. Д. Ковалёв вновь и вновь возвращается к своим истокам, с любовью описывает родной город, расположенный на границе трёх государств. Об этом его стихотворение «Ветка».

*Ветка...
 Зелёная Ветка!
 Выпадало нам видеться редко.
 Первый раз увидел,
 Как родился,
 А второй привелось –
 Как женился.
 Всё по свету.
 По белому свету.
 И тебя там, где был я, нету.
 Но бушлат мой – лишь знак бывшего.
 Узнаешь ли меня пожилого?
 Я медлительней стал и строже.
 Ты же стала ещё моложе.
 Всё, что в годы войны пережито,
 Под листвой молодой скрыто.
 Лишь чернеют в песке рыжевато
 Лапа якоря, хвост каната:
 Наводнение когда-то было –
 Староверскую пристань смыло,*

И теперь ветковчане наши
Староверами не зовутся.
Только в память об их вчерашнем –
Крепкий чай в фарфоровом блюде.
Только имя, данное метко,
У тебя неизменно, Ветка...
Будешь ты, мой безвестный город,
И в неблизком будущем молод.
В изобилии расплодится
В плёсах рыба,
В чащобах – птица.
Пионер, свесив ноги будет
Краснопёрок в затоне удить.
Я ж при встрече этой короткой
Буду лысый уже, с бородкой.
Стану, может, ещё степенней.
Но душою чёрствым не буду.
Солнцем в окна,
Ласточкой в сени
Ты являешься мне повсюду.
Всё не вечно
Под поясом млечным.
Время
Метит морщинами
Метко.
Но шумит по-весеннему
Вечно –
Вечнозелёная
Ветка.

Ветка – это небольшой белорусский городок на реке Сож. Природа родного Полесья, её росистые травы, чистые реки, речушки, пение птиц и еле слышный шум спелого ржаного поля будут сопровождать лирического героя, да и самого Д. Ковалёва всю жизнь, время от времени снова оживать в его простых и мудрых стихах. Вот что вспоминает белорусский поэт Пимен Панченко: «...первая наша встреча с Дмитрием Ковалёвым состоялась в августе 1939 года, когда он приехал в Минск на конференцию молодых поэтов. У нас была небольшая разница в возрасте. И судьба похожая. Он, как и я, был сельским учителем. Дима Ковалёв запомнился необычайной серьёзностью. Эта черта у него сохранилась на всю жизнь: он всегда серьёзно и сурово относился

к поэтической работе, был правдив, честен и бескорыстен, дорожил дружбой и проявлением даже небольшого, но искреннего внимания...» (Ковалёв 1982: 4).

Дмитрий Ковалёв пишет: «Люблю тебя я, родина, моя Ветка, люблю до стежки, до лугового озера, до деревца, до травинки, всё, что не делится, и никогда не денется. Иду и шепчу стихи... Они из меня льются. Так до зовущей тоски. Хочется на Сож, на стежки и тропинки детства. Как лёд плавёт, как вода прибывает – это так люблю. И столько лет уже об этом мечтаю».

Стихотворение «Ветка» – признание в любви родному городу. Это философское раздумье о судьбе старообрядческой Ветки, о её прошлом, настоящем и будущем. Заголовок формирует образ-символ. Человек – это лист на ветке дерева жизни, и пока живёт дерево, будут украшать его листки. Уже в первой строфе автор передаёт радость от долгожданной встречи со своей «малой родиной». Но если в первых строках мы слышим грусть и сожаление, то в последних строках автор, пройдя ещё раз по дорогам истории своего города, радуется её настоящему и уверенно заключает, что будущее его прекрасно. Он будет жить вечно, потому что родина – это основа жизни. Искренняя, доверительная беседа лирического героя с другом детства напоминает исповедь. Три временных пласта проходят перед читателем: «родился», «женился», «стал степенней». Правда, лирический герой видит свою родину уже с позиции своего возраста. И это даёт ему возможность переосмыслить историю родины, её культуру. А значит, понять и ценность межкультурной коммуникации.

Он сожалеет, что ветковчане «не зовутся староверами» и во многом уже утратили традиции предков. Далёкие времена оставили только название города и обычай пить чай из блюдца. Мать поэта была из старообрядцев, и потому эти обычаи он знал. Город всегда был известен не только тканями рушниками, музеем белорусского костюма, своими иконами, известными людьми. Весь мир узнал об этом городе после Чернобыльской трагедии.

Он благодарен истории за то, что она оставила это дорогое имя родному городу. Однако эта трагедия ставит под сомнение утверждение лирического героя о вечности своего родного города. Он хочет, чтобы зелёный цвет никогда не превращался в чёрный пепел, чтобы жизнь продолжалась. А она, как известно, держится на любви людей друг к другу, на их ответственности за содеянное.

Таким образом, русскоязычные поэты входят в духовную биографию читателя, становятся постоянными собеседниками,

помогая своим творчеством каждому находить ответы на сложные вопросы бытия. Поэтому, читая произведения русскоязычных поэтов, которые отражают всю сложность мультикультурного мировосприятия, понимаешь, как переплелись здесь людские судьбы, славянские миры и их культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамчук А. и др. Бяла Подляска – Брест. Неоткрытый Восток. Polska Turystyczna.pl. / А. Абрамчук, Е. Ветрова, А. Панько, Р. Зубкович. – Краков, 2008.
- Бабкоў І. М. Каралеўства Беларусь. Вытлумачэнне ру[і]наў. / І. Бабкоў. – Мн.: Логвінаў, 2005. – 142 с.
- Беларусіка–Albaruthenica: Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / Рэд. А. Мальдзіс і інш. Мн.: Навука і тэхніка, 1994. – 432 с.
- Жигалова М. П. Русскоязычная лирика Беларуси: жанрово-тематическая и стилевая парадигма / М. П. Жигалова // Русский язык и литература, № 3. – Минск, 2010. – С. 33–40; № 4. – Минск, 2010. – С. 3–6; № 5. – Минск, 2010. – С. 8–16.
- Ковалёв Д. Кому что дорого. Лирика / Д. Ковалёв. – Минск: Мастацкая лitarатура, 1982. – 207с.
- Красевская Л. Н. На два голоса. Стихи и поэма / Л. Н. Красевская. – Брест: «Альтернатива», 2009. – 111с.
- Рубашевский Ю. Калядкі па-цярэспальскі / Ю. Рубашевский // Вечерний Брест, № 9 от 2 февраля 2011. – С. 7.
- Суслова Т. И. Общечеловеческое и национальное в культуре: вызов глобализации / Т. И. Суслова // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.). Материалы выступлений. – Бишкек, 2004. – С.177–183.

Multicultural Picture of the World in Russian-Speaking Poetry of the Brestsko-Podlyashsky Border Zone

Summary

In the article the Russian-speaking poetry of the Brestsko-Podlyashsky border zone as the phenomenon of the Russian literature in multicultural space is analyzed for the first time. On the philological analysis of separate poems by L. Krasevskoy and D. Kovalyova, the picture of the world including traditions and mentalities of different people which were generated in social memory of multicultural space of the border zone, i. e. in the language which is a means of interaction between generations, cultures and civilisations, is considered.

Keywords: *multiculturalism, multilingualism, vitality, gemology, symbiosis.*